

**ПРОЗЕЛИТИЗМ ИЛИ ПРОЦЕСС СИНКРЕТИЗАЦИИ?
(ДВА ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ БУРХАНИЗМА)**

В статье рассматриваются причины, особенности и основные составляющие понимания природы бурханистского движения как посягательства на прерогативы Русской православной церкви (прозелитизма) на Алтае в начале XX в. Также формулируется иная точка зрения по вопросу сущности «белой веры».

Ключевые слова: бурханизм, северный буддизм, прозелитизм, процесс синкретизации, Алтай.

Начало XX в. стало временем обострения социально-политических и межрелигиозных отношений на территории Алтая. Одной из составляющих этих событий стало противостояние тенденции распространения на территории Южной Сибири северного буддизма и активного миссионерства Русской православной церкви (РПЦ). Сегодня в научном сообществе не утихают споры по вопросу о природе бурханистского движения (или «белой веры»). Важной частью комплекса источников, позволяющих сегодня судить о духовных процессах начала XX в., являются документы церковного происхождения. Миссионеры РПЦ, во-первых, являлись свидетелями волнений алтайских инородцев в рассматриваемый период времени [1, л. 164–166об.]; во-вторых, принимали участие в этих событиях [1, л. 15–16], и, в-третьих, транслировали суть происходящего как в начале XX в. (определяли настроения славянских переселенцев на Алтае [1, л. 278–279], информировали представителей власти [1, л. 72–73об.]), так и в дальнейшем, оставив свое мнение на страницах периодики [2, с. 1–7; 3, с. 1–10], внутрицерковных документов (переписки деятелей Алтайской духовной миссии (АДМ) [1, л. 5–6]), писем губернскому чиновничеству [1, л. 215–216об.].

Попытаемся охарактеризовать отношение РПЦ к духовному процессу, охватившему алтайских инородцев начала XX в., а также по-иному взглянуть на проблематику бурханизма. Анализ историографии бурханизма дает возможность утверждать, что оценки деятелей АДМ повлияли на формирование сразу двух точек зрения на природу бурханизма. Так, в дореволюционных публикациях доминировала версия, что «белая вера» – это синкретическое вероучение, впитавшее в себя в большей степени буддийские традиции, которые легли на почву развитых анимистических верований, потеснив шаманизм [4, с. 155–159], и в меньшей степени воспринявшее опыт двух других мировых религий – ислама [5, с. 3] и христианства [6, с. 125–127]. Деятели АДМ сыграли немаловажную роль в концептуальном наполнении этой версии. Некто Ленивейший из отцов церкви предпринял попытку найти исторические корни одной из центральных фигур бурханистского пантеона – Ойрот-хана. Он провел параллель между современной ему тенденцией отказа алтайцев от шаманизма и запретом ойратского устава взысканий времен Джунгарии, в котором прослеживаются буддийские

* © Насонов А.А., 2011

Насонов Александр Александрович (nasonovalexander@mail.ru), кафедра музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 650029, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.

влияния [2, с. 1–7]. Другой представитель АДМ, И. Новиков, пошел дальше, характеризуя «белую веру» как «полубуддизм» и результат «пропаганды ламства» [3, с. 1–10].

На рубеже 30–40-х гг. XX в. в СССР сформировалась иная версия сущности бурханизма, оценивающая это вероучение как прояпонское реакционно-сепаратистское движение [7, с. 403–426]. Она стала общепринятой, не могла быть подвергнута критике и заменила другую точку зрения. Последняя была распространена в исследовательском сообществе в 20–30-е гг. и заключалась в понимании «белой веры» как формы выражения национально-освободительной борьбы [8].

Как ни странно, первое мнение, господствовавшее в историографии с конца 30-х до середины 80-х гг. XX в., имело истоки в оценках деятелей АДМ. Так, в публикации того же Ленивейшего из отцов церкви применительно к «белой вере» встречаются такие слова: «Ясно и то, что тут мы имеем дело если не с так называемым панмонголизмом, то с очевидными проделками наших доморожденных “автономистов”» [2, с. 6]. Как видно, автор явно намекал на сепаратистскую сущность бурханизма.

Анализируя ситуацию на Алтае, архимандрит Иннокентий в письме епископу Бийскому Макарию назвал волнения среди алтайцев «смутой политического характера», проявившейся в период русско-японской войны 1904–1905 гг. [1, л. 5]. В донесении приставу пятого стана Бийского уезда В.Ф. Бучинскому архимандрит сообщал, что «на Алтае, в вершине реки Кайрлыка, три дня тому назад явно появилась военно-политическая агитация со стороны трех личностей неизвестной национальности, но монгольского типа», замечая при этом, что «один из упомянутых агитаторов прямо-таки называет себя Ойрот-хааном, царем-освободителем алтайцев от подданства России» [1, л. 70–70об.]. Эти выводы Иннокентия весьма недвусмысленно характеризуют мнение АДМ.

Чем можно было объяснить такую тенденциозность оценок деятелей АДМ? Попытаемся предложить свое видение этой проблемы. Актуальным вопросом, обсуждаемым в современном религиоведении, является проблема прозелитизма [9, с. 54–67; 10], под которым понимают: деятельность приверженцев определенного вероисповедания, преследующую цель обратить в свою веру лиц иной конфессии [11, с. 366–367], конфликтное столкновение интересов церковных институтов одной религии с другой, при этом одна из них воспринимает приход и активную миссионерскую деятельность другой как посягательство на свои законные права. Несмотря на то, что разные конфессии наделяют прозелитизм отличающимся набором признаков, понятно, что в целом речь идет о конкуренции вероучений за верующих, при которой используются «нечестные приемы», такие как моральное и психологическое давление, спекуляция на материальных и иных затруднениях людей [11, с. 367], применение экономических рычагов воздействия, красочная иллюстрация отрицательных черт иной веры и т. д.

В начале XX в. в РПЦ по отношению к бурханизму возобладало представление, что адепты северного буддизма посягнули на территорию, где более семидесяти лет целенаправленно велась миссионерская деятельность и значительная часть населения перешла в православие. Шаманизм и анимистические устои воспринимались деятелями РПЦ как языческие обряды, с которыми необходимо было бороться, доказывая их несостоятельность будущей и нынешней пастве, но, в общем, они считались достаточно слабыми противниками православия [12, л. 40–42]. В лице же новоявленного учения миссионеры обнаружили реального и очень опасного противника. Какие были этому причины? Во-первых, прежний комплекс верований коренного населения уже был знаком православному духовенству. Оно смогло определить те позиции, с которых можно было его критиковать. Бурханизм во многом был чем-то новым, малопонятным, что заставило насторожиться АДМ. Во-вторых, буддизм, хотя и в скрытом

виде, был более опасным соперником, имея значительный опыт распространения своего учения в Центральной Азии. В-третьих, население Алтая увидело в «белой вере» альтернативу как православию, так и шаманизму, поскольку она соответствовала двум важным критериям: 1) могла удовлетворить потребность в новой духовной системе, а старое миропонимание полностью не отвечало исканиям алтайцев в условиях социально-политических трансформаций; 2) предлагала идейную опору для сопротивления христианизации как части политики колонизации Алтая русским населением. В итоге восприятие бурханизма со стороны православных миссионеров стало близко к сегодняшнему содержанию понятия «прозелитизм». Часто можно встретить утверждение, что буддизм вообще «не прозелитичен» [11, с. 367], поэтому проблематика прозелитизма касается, прежде всего, взаимоотношений христианских конфессий. Однако в данном контексте имеет значение именно то, что это учение оценивалось как посягательство на прерогативы православия.

Вместе с тем, можно предложить иной взгляд на природу бурханизма. Буддизм, которому официальная царская власть закрывала все пути для открытого распространения на территории Алтая [1, л. 295об–296], был вынужден искать иные формы внедрения. Такой формой стал бурханизм, преподносимый как новое религиозное движение, а в действительности являющийся вариацией буддийского учения.

Таким образом, нами были обозначены два возможных подхода к пониманию сущности бурханизма. Во-первых, мнение деятелей АДМ, воспринимавших «белую веру» как прозелитизм. Во-вторых, определение данного религиозного явления как скрытой экспансии буддизма, проходившей в условиях запретительной политики российских властей и противостояния АДМ. Заметим, что по своей структуре, содержанию и аргументации эти точки зрения скорее не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, поскольку характеризуют бурханизм с разных позиций, добавляя недостающие элементы к его комплексному пониманию. Акцентируем внимание еще на одном аспекте, касающемся мировоззренческой стороны данных мнений. Суть его в следующем тезисе: деятель АДМ начала XX в. при оценке отличающихся от своих религиозных воззрений отталкивался от установки, что его собственное вероучение — это истина, с позиции которой нужно критиковать иную духовную систему. В свою очередь исследователь-профессионал (историк, философ, социолог и т. д.) должен целенаправленно дистанцироваться от апологетического или, наоборот, обличительного подходов.

Библиографический список

1. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.
2. Ленивейший из отцов церкви. Что такое «Ойрот», ожидаемый бурханистами на Алтае? // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 1.
3. Новиков И. Волнения и движения среди Алтайского язычества в мае и июне текущего года // Томские епархиальные ведомости. 1904. 15 сентября. № 18.
4. Клеменц Д.А. Из впечатлений во время летней поездки в Алтай в 1904 г. // Известия Императорского русского географического общества. 1905. Т. 41. Вып. 1.
5. Потанин Г.Н. В Чемальском тупике // Сибирская жизнь. 1910. 29 июня. № 142.
6. Тадышева Н.О. Проблемы христианизации алтайского народа // Алтай — Россия: через века в будущее: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Т. 1.
7. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев / под ред. С.А. Токарева. Новосибирск: ОГИЗ — Новосибирское областное госиздательство, 1948.

8. Данилин А.Г. Бурханизм. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 206 с.
9. Казьмина О.Е. Дискурс о прозелитизме в современной России // Этнографическое обозрение. 2007. № 4.
10. Васильева О.Ю. Проблемы прозелитизма в России конца XX в. // Исторический вестник. 2000. № 5–6 (9–10). URL: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2000/5-6_9-10/1_33.htm.
11. Зуев Ю.П. Прозелитизм // Религиоведение: словарь / под ред. Е.С. Элбакян. М.: Академический Проект, 2007.
12. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 49. Д. 18.

*A.A. Nasonov**

PROSELYTISM OR THE PROCESS OF SYNCRETISATION? (TWO POSSIBLE APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF BURKHANISM ESSENCE)

In this article reasons, peculiarities and basic parts of the burkhanism's movement interpretation as the infringement on prerogatives of the Russian Orthodox Church (proselytism) in Altai in the beginning of the XXth century are considered. Also the other point of view on the essence (process of syncretisation) of the «white faith» is formulated.

Key words: burkhanism, Northern Buddhism, proselytism, process of syncretisation, Altai.

* *Nasonov Alexander Alexandrovich* (nasonovalexander@mail.ru), the Dept. of Museum Business, Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, 650029, Russian Federation.